

Московский государственный еврейский театр

К 20-летию со дня основания

Двадцать лет тому назад возник первый в мире государственный еврейский театр. Возник он буквально на пустом месте, ибо в дореволюционном еврейском театре не было актерской школы, не было представления о роли режиссера, художника, композитора.

Рожденный в грозе и буре гражданской войны, в колыбели пролетарской революции — в Петрограде 1919 года, театр уже с первых своих шагов объявлял войну гнилому, отжившему местечковому быту. Отсюда пропня, бичующий смех, сарказм, которым были насыщены первые постановки еврейского театра.

Истоки современного еврейского театра — это театр Гольдфалена. Новый театр выбрал самое ценное из репертуара этого театра — «Колдунью», ибо в ней были элементы народного протеста против религиозного, феодального быта. Первые постановки Голдета, как национального еврейского театра, вызванного к жизни нашей советской эпохой, связаны с еврейской классической литературой. В бессмертных произведениях Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима театр черпал материал для своих спектаклей и одержал много блестящих побед в первое десятилетие своего существования.

Художественный метод еврейского театра в этот период, метод, который насаждало его старое руководство, основывался на принципе аналитического обобщения. Все внимание отдавалось только внешней характеристике образа. Применяя гротеск, театр давал не социальные типы и характеры, а социальную маску. Правда, он здесь достиг большого сценического совершенства, и такие его спектакли как «200.000», «Колдунья», «Путешествие Венямина III» и «Маски» Шолом-Алейхема приобрели мировую славу. Но все же частично театр находился в плену у формализма.

Началось второе десятилетие Голдета. Театр понял, что он слишком увлекся одним только осуждением старого местечко-

вого быта, его беспочвенными «людьми воздуха». Театр понял, что он проглядел все живое, крепкое, сильное, что было в народе, что не мирилось с гнетом и насильем и что находило дорогу в революцию, в ряды борцов за социализм. Этот период возглавляется началом своей сценической деятельности в Голдета и прославившимся на весь мир актером С. М. Михоэлсом.

Кто проследил весь творческий путь Михоэлса, начиная от его Реб Алгера в «Мазелтов» и кончая Тевье-молочником, тот знает, какие сочные краски находит этот мастер для изображения больших, пламенных человеческих страстей. Кто следил за интересной артистической жизнью Зускина, тот знает, сколько подлинных чувств, глубоких переживаний, какие замечательные нюансы и яркие детали пахотит этот прекрасный артист в обрисовке характеров «маленьких людей», задвинутых машиной капиталистической каторги в нашедших себя, проявивших свой творческие силы только сейчас, в счастливую ленинско-сталинскую эпоху.

В пьесах советской драматургии, составивших репертуар последнего десятилетия театра, мы видим все возрастающее укрепление и развитие реалистической линии. Этому содействовала большая творческая удача, которая выпала на долю театра в постановке шекспировского «Лира». Это было блестящим успехом театра. Это открыло ему дорогу к овладению методом социалистического реализма, который одержал такую ослепительную победу, позже, в «Тевье-молочнике».

Победа театра в «Лире» была тем более значительна, что никто до этого спектакля не давал такой интерпретации «Лира». Только в этом спектакле удалось вскрыть все значение шекспировских слов: «Любовь охлаждается, дружба разбивается, брат восстает против брата... распадается цепь времен» и т. д. Это было не только крупным успехом замечательного артиста

Московский государственный еврейский театр. На снимке: народный артист РСФСР С. Михоэлс в роли Тевье молочника.

Михоэлса, поднявшегося в этом спектакле до вершин трагического пафоса, и заставившего известного английского режиссера и шекспироведа Гордона Крега сказать, что на родине Шекспира — в Англии нельзя увидеть такого Лира. Это был не только успех Зускина, шут которого искрился мудростью человека, которому хорошо известен мир преступлений и лжи, где он живет. Это был успех всего коллектива Голдета, ибо ряд артистов «стариков» и молодых (Шило, Ротбаум, Минкова, Кармер, Хазак, Пей, Пустельник) блеснули яркими, большими дарованиями.

В двадцать первый год своего существования Голсет выступает обогащенный художественным опытом, накопленным в борьбе за социалистический реализм. Этот метод дал свои плодотворные результаты в спектаклях «Бар-Кохба» и «Суламифь».

Эти спектакли имеют огромное значение в сценической биографии Голдета. Театр взглянул на прошлое своего народа новыми глазами. На сцене Голдета появились не согбенные спины, а выпрямившиеся груди, люди с орлиным взором. Пьесы Галкина («Бар-Кохба» и «Суламифь») ничего общего не имеют с тем националистическим мусором, который под этими названиями гулял по подмосткам мешанских еврейских театров. Голсет показал пафос борьбы, волю к свободе, ненависть к гнету, которому подпороли его народ в древние времена предки современных фашистских капиталов. Мост от прошлого был перекинут в наши дни. Историческая была переключалась с современностью.

Встав на этот путь, театр вновь вспомнил о Шолом-Алейхеме, о писателе, познаком которого он возник. По эта встреча театра с Шолом-Алейхемом была уже

совершенно иной. Театр теперь обратился к шедеврам мировой литературы, к «Тевье» Шолом-Алейхема. В этом спектакле Голсет вновь родился, и уже как реалистический театр нашей социалистической эпохи.

Весь коллектив театра играет этот спектакль с каким-то священным трепетом. Он чувствует, что трагедия Тевье — это трагедия еврейского народа при царизме, что лучшие мечты передовых дочерей Тевье осуществлены именно в нашей стране. Что современному Тевье не раздирают мучительные вопросы его предшественника — почему бог разделил мир на евреев и неевреев, почему Бродские не испытывают тех же мук, которые выпали на долю бедняков. Что вчерашний бесправный Тевье, которого урядник прогнал с насиженного места, из украинского села, где он жил в дружбе с украинцами — такими же простыми людьми, как и он, стал сегодня потомственным плотогоном, сыновьям которого родина вручила ключи от своих священных границ, запертых на замок от покушений любого фашистского агрессора.

«Тевье» стал значительным явлением советского искусства, потому что театр увидел в нем не семейную мелодраму, не богобоязненного еврея, каким изображал Тевье дореволюционный еврейский театр. Голсет увидел в «Тевье» народ, который не может и не хочет больше уложить свой жизненный опыт в прокрустово ложе синагогальной «культуры».

Вот почему «Тевье» такая покоряющая, вдохновляющая страница в художественной истории Голдета. Вот почему с первого момента, когда Михоэлс — Тевье появляется на сцене и перед зрителем проходит цепь его страданий, приводящая к переоценке ценностей, и до последних слов:

«дочери Тевье имеют в себе силу», «еще-дай дальше, Тевье» — зал следит за событиями с непрекращающимся вниманием и волнением.

И совершенно понятно. Тевье Михоэлса — это глубокая мудрость народа, это выросший могучими корнями в землю, крепкий разветвленный дуб. Это оптимизм народа, который не был сломлен и которого не могут сломать козни, направленные против него. Тевье Михоэлса — это высоко драматический образ человека из народа, который начинает проникаться пониманием идей его передовой дочери Голд, уходящей в революцию для того, чтобы изменить мир. Тевье мирится с другой дочерью Хавой, вышедшей против его воли замуж за украинского парня, ибо он преодолел предрассудки. Тевье Михоэлса — это простой человек, который как бы символизирует шеститысячелетнюю культуру еврейского народа, культуру, которой не страшны фашистские погромы и никакое ауто-да-фе.

Только советская смена, вооружающая своих артистов марксо-ленинской теорией, помогающей им понять общественные процессы прошлого и осмыслить наши грядущие светлые перспективы, дала возможность Михоэлсу, этому человеку гибкого ума, всесторонней образованности, большой политической и общей культуры создать такой вдохновенный образ Тевье.

Михоэлс стал любимцем народа, ибо свое большое мастерство деятеля искусства он множит на революционную страсть советского общественного деятеля. О его ненависти к фашизму и пламенной любви к социалистическому отечеству говорит речь на антифашистском митинге советской интеллигенции в Москве, его выступление на общегородском собрании работников искусств Москвы, посвященном изучению истории партии.

Истории угодно было, чтобы Голсет, рожденный как советский национальный еврейский театр под знаком Шолом-Алейхема, праздновал свой 20-летний юбилей шедевром шолом-алеихемского творчества.

Эта постановка достойна славного творческого пути театра, подлинного дитя ленинско-сталинской национальной политики, достойна театра, вписавшего много ярких страниц в историю советской культуры.

Х. ТОКАРЬ.